

# РЕСУРСЫ

## Деятельностно-ценные задачи

### Задача о Печорине

В.А. Андреева

**Имя задачи:** Действительно ли Печорин — герой своего времени?

**Автор:** Андреева Валентина Александровна, учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 34 с углублённым изучением финского языка ассоциированной школы ЮНЕСКО.

**Предмет:** Литература.

**Класс:** 9.

**Тема:** Герой своего времени.

**Уровень:** Общеобразовательный.

**Текст задачи:**

Кавказ, как место действия в романе «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, выбрано автором не случайно. На Кавказ ссылались критически мыслящие, неугодные правительству люди. Действительно ли Печорин принадлежал к их числу? Печорин: герой или анти-герой своего времени?

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с выводами культурного образца.

**Возможные информационные источники:**

• Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М.: Советская Россия, 1981.

• Лермонтов М.Ю. Сочинения. М.: Правда, 1988.

• Маранцман В.Г. Книги, изданные в «Художественной литературе». М.: Просвещение, 1991.

• *Удодов Б.Т.* Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М.: Просвещение, 1989.

• *Дурылин С.Н.* «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. М., 1940.

## Культурные образцы:

### К истолкованию романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Печорин: герой или антигерой времени?

Для подготовки данной работы были использованы материалы с сайта <http://www.portal-slovo.ru/>

#### А.М. Ранчин

Существуют бесспорные истины, аксиомы: «Волга впадает в Каспийское море», «целое больше части», «вода кипит при температуре 100 градусов по Цельсию»... Истины такого рода есть и в литературной науке и особенно в школьном преподавании словесности. Одна из них — утверждение, что центральный персонаж лермонтовского романа «Герой нашего времени» Григорий Александрович Печорин — незаурядная, неординарная натура, сильная личность, характер страдающий, глубоко разочарованный жизнью. Как принято считать, эта неординарность Печорина подчеркнута сравнением с Грушницким — его сниженным, пародийным двойником. Это мнение о Печорине восходит к статье В.Г. Белинского о романе Лермонтова. Выказано оно было Белинским с резкой настойчивостью и тоном, не допускающим сомнений.

Мнение о Грушницком как «кривом зеркале» Печорина столь же рас-

пространено, как и восходящее к статье Белинского утверждение о незаурядности и глубине печоринского характера. «Эта противоположность Печорина и Грушницкого, раскрытая Лермонтовым со всей полнотой психологической и исторической правды, доведена им до такой обобщающей показательности, что даёт право в контрасте между Печориным и Грушницким видеть противоположность личности и личины, индивидуальности и подражательности, свободной мысли и следования трафаретам», — писал, например, С.Н. Дурылин в своей книге «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова» (М., 1940. С. 120, курсив автора).

Все доказательства в пользу этого мнения уже давно высказаны, и в убедительности им трудно отказать. Грушницкий демонстрирует своё презрение к «чинам и званием», но, будучи произведён в офицеры, спешит, надев новый мундир, показаться в обществе. О наигранности поведения Грушницкого говорится ещё в первой печоринской дневниковой записи, открывающей повесть «Княжна Мери».

Так свидетельствует о Грушницком главный герой. Но не менее красноречиво об этом персонаже говорят его собственные поступки. И прежде всего, конечно, участие в подлой интриге: согласие предложить Печорину на дуэли незаряженный пистолет — собственно, согласие на циничное убийство соперника.

Итак, всё ясно, всё решено? Многие годы казалось так. Но десять лет назад критик и литературовед А.М. Марченко опубликовала статью «Печорин: знакомый и незнакомый», в которой смело отвергла доселе неоспоримые оценки Печорина и Груш-

нического. Статья А.М. Марченко напечатана в сборнике «Столетия не сотрут...»: Русские классики и их читатели». М., 1989. С. 161–222; далее при цитировании название статьи и сборника я не указываю, приводя только страницы этой книги.

Печорин ничем не лучше Грушницкого, его разочарование наиграно, а глубина характера иллюзорна, — утверждает А.М. Марченко. Её аргументы таковы.

Во-первых, это свидетельства чернового рукописного текста романа. Здесь Печорин назван «человеком толпы»; в рукописи предисловия к роману (опубликованному во втором отдельном издании 1841 года) более настойчиво, чем в печатном тексте, подчёркивалось несходство автора и центрального персонажа и иронически упоминалось о некоем журнале, смешавшем «имя сочинителя с именем героя его повести». А.М. Марченко полагает, что Лермонтов вычеркнул эти слова, потому что они метили не только в таких недоброжелательных критиков, как С.О. Бурачок, но и в восторженно принявшего роман Белинского.

Во-вторых, это новая интерпретация ряда фрагментов окончательного, канонического текста «Героя нашего времени». Так, А.М. Марченко замечает, что в описании внешности Печорина, принадлежащем повествователю (обычно именуемому исследователями «странствующим офицером») и содержащемуся в повести «Максим Максимыч», подчёркнуты «ослепительно чистое бельё», отсутствие «играющего воображения» в глазах и женственная слабость. Чистое бельё героя, по мнению исследовательницы, говорит о

его франтовстве, столь чуждом самому Лермонтову, который, по воспоминаниям современников, одевался на Кавказе подчёркнуто небрежно. Глаза Печорина свидетельствуют, что ему чуждо поэтическое, творческое начало, и в этом отношении он также противопоставлен сочинителю романа, утверждает А.М. Марченко. Наконец, женственность Печорина, доказывает автор статьи, указывает на избалованность, изнеженность, некую инфантильность «героя нашего времени».

Печорин в повести «Княжна Мери» упоминает некую «историю», из-за которой он был переведён на Кавказ. Обыкновенно утверждалось, что Лермонтов подразумевал причастность своего центрального персонажа к каким-то событиям, имевшим политический смысл (при этом судьба Печорина вольно или невольно уподоблялась судьбе самого автора). Но А.М. Марченко напоминает, что в черновике «Княжны Мери» эта история была названа прямо — «дуэль» и что в окончательном тексте повести приятель главного героя доктор Вернер, передавая слова о нём княгини Лиговской, называет темную «историю» печоринского прошлого «похождениями».

Уверенность матери Мери в быстрой перемене судьбы Печорина к лучшему окончательно убеждает А.М. Марченко в том, что Лермонтов имеет в виду некий неблагоприятный, аморальный поступок персонажа: серьёзные политические «истории» правительство Николая I так легко не прощало, напоминает исследовательница. Печорин же вскоре покидает Кавказ и возвращается в Россию, а спустя время беспрепятственно по-

лучает разрешение на путешествие за границу, в Персию.

А.М. Марченко пишет о том, что Печорин явно проигрывает в сравнении и с прямодушным и добросердечным Максимом Максимычем и с внимательным и пытливым путешественником — повествователем, наделённым литературным даром. Подробно автор статьи рассказывает о бесцеремонном и жестоком вторжении Печорина в судьбу несчастной Бэлы, о разыгрывании им «колониального романа»: «Как хищник, и притом коварный, ведёт он себя с Бэлой: расплачивается за неё с Азаматом не собственным, а чужим конем!» (с. 202). Сам же Лермонтов, хотя и участвовал в Кавказской войне, относился к горцам с уважением и симпатией. Напоминает исследовательница и о признании героя, что он испытал хорошо знакомое чувство — зависть, наблюдая участие и внимание княжны Мери к Грушницкому.

Особенное внимание А.М. Марченко уделяет истолкованию свидетельства, что и Печорин, и Грушницкий служили на правом фланге Кавказской армии, куда обыкновенно стремились ловцы званий и наград. Подлинные же «труженики войны» (а среди них и сам Лермонтов) находились на левом фланге. Сближая, а не противопоставляя Печорина и Грушницкого, А.М. Марченко обращается к роману «Проделки на Кавказе», опубликованному в 1844 году под псевдонимом «Е. Хамар-Дабанов» (вероятный автор этого произведения — кавказская знакомая Лермонтова генеральша Е.П. Лачинова); этот роман содержит явные переключки с «Героем нашего времени». В «Проделках на Кавказе» рассказывается о пустова-

том малом Николаше, портрет которого напоминает описание внешности Печорина, а также сообщается о... дальнейшей судьбе Грушницкого, который, оказывается, не был убит: дуэль с Печориным была предотвращена комендантом. «Печорин, — говорит Грушницкий из «Проделок на Кавказе», — как герой нашего времени, должен быть и лгун и хвостун, поэтому-то он и поместил в своих записках поединок, которого не было» (цитируется по статье А.М. Марченко, с. 200).

Но как же быть с язвительной характеристикой, которая даётся Грушницкому в «Княжне Мери»? Как быть с действительно подлой интригой Грушницкого и драгунского капитана против Печорина? А.М. Марченко отмечает, что «Княжна Мери» — самая «литературная» повесть в «Герое нашего времени», её сюжет состоит из набора традиционных мотивов и эпизодов — здесь и подслушивание и подглядывание за центральным персонажем, и адюльтер, и ночное свидание, и связанные шали, по которым герой спускается из окна, и кровавая дуэль (А.М. Марченко сопоставляет «Княжну Мери» со «светской повестью», уместнее было бы сравнить её прежде всего с романом приключений). «Уж не сочинил ли Печорин всё это?» — спрашивает исследовательница, напоминая о свидетельстве повествователя-издателя, что тексты из «Журнала» Печорина несут следы литературной обработки и, может быть, готовились для печати.

Затем автор статьи добавляет важные соображения: «Конечно, Грушницкий смешон, а потом и жалок, да, драгунский капитан отвратителен в своём наглом плебействе. Но как-то слишком уж отвратителен —

карикатурно! И где гарантия, что и Максим Максимыч оказался бы похожим на этого пошлого армейца, если бы нам его представил иной офицер — не тот, что вёз с собой записки о Грузии (то есть повествователь, которому принадлежит обрамляющий рассказ в повести «Бэла», повесть «Максим Максимыч» и предисловие к «Журналу» Печорина. — А.Р.), а тот, что, участвуя в трагической для обеих сторон войне и тоже ведя Журнал, заносит на его страницы лишь то, что касается его собственной персоны» (с. 198—199).

Конечно, А.М. Марченко предвидит возражения в свой адрес, но не высказывает особенного желания защититься контраргументами. За одним исключением: следуя аргументам, высказанным Б.Т. Удодовым, она доказывает, что не только «Тамань» (как это принято считать), но и «Фаталист» создавались как самостоятельные произведения, и лишь позднее, включив их в состав «Героя нашего времени», Лермонтов отождествил их центрального персонажа с Печориным. Глубина и серьёзность философских вопросов, которые задаёт сам себе Печорин в «Фаталисте», явно диссонируют с создаваемым А.М. Марченко образом Печорина — светского хлыща и жуира.

Итак, попробуем разобраться в рассуждениях исследовательницы, разберём возможные «за» и «против».

### **Pro et contra: анализ свидетельств текста**

Свидетельства чернового текста романа. Строго говоря, текст черновика важен для исследования творческой истории произведения, но на

нём нельзя основываться при истолковании окончательного, итогового текста: ведь замысел автора порой радикально меняется от черновика к печатной редакции. Могут серьёзно измениться и характеристики персонажей. Но слова из черновика повести «Максим Максимыч»: «... в этом отношении Печорин принадлежал к толпе» — имеют совсем не тот смысл, какой в них вкладывает А.М. Марченко: повествователь всего лишь подчёркивает, что он боролся с «природными склонностями», но не победил их и потому «он не стал ни злодеем, ни святым».

Истолкование окончательного текста. Начнём с анализа портрета. Щепетильность Печорина в отношении одежды, некоторое франтовство несомненны и, бесспорно, сближают его с Грушницким. Но франтовство это — особенного рода. Грушницкий сначала разыгрывает роль человека, безразличного к чинам и званиям, «драпируясь» в толстую солдатскую шинель. Но затем он, получив офицерский чин, меняет драпировку, рядясь в новенький мундир. В печоринской же одежде выражены одновременно два противоположные стремления. С одной стороны, любовь к изысканному платью, щегольство («бархатный сертучок его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое бельё, избличавшее привычки порядочного человека»). С другой же стороны, пренебрежение внешним видом одежды, безразличие к ней («запачканные перчатки»). Одежда Печорина, если угодно, столь же «противоречива», как и черты характера, о которых говорят лицо, телосложение и манеры персонажа. Но

такая деталь, как расстегнутые верхние пуговицы «сертушка», особенно важна. Печорин подчёркнуто демонстрирует чистоту и изысканность собственного белья, а это значит, что рисовка и позерство, обнаруживаемые Грушницким, в какой-то степени не чужды и ему.

Что же до печоринской женственности, то А.М. Марченко как будто забыла очевидное: эта женственность (примеры которой — маленькая рука с худыми, очень тонкими пальцами, «нервическая слабость» тела, «женская нежность» кожи) сочетается с физической силой: «... стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побеждённое ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными». Но и это свидетельство физической силы Печорина в свой черёд двусмысленно, внутренне противоречиво: выражение «стройный, тонкий стан» традиционно в современной Лермонтову литературе применяется в описаниях женской, а не мужской внешности. Да и столь ли крепок и привычен к «переменам климатов» и к «трудностям кочевой жизни» Печорин на самом деле? Ведь ему вскоре суждено умереть, «возвращаясь из Персии»!

Глаза Печорина, действительно, не отражают «играющего воображения». Но говорит ли эта деталь об отсутствии у него самого дара воображения, художественной фантазии, как считает А.М. Марченко? Эпитет «играющее» придаёт словосочетанию «играющее воображение» особенный смысл: это нечто неглубокое, поверхностное. Подлинный же творческий

дар лермонтовскому герою, конечно, присущ: иначе он не смог бы столь блестящее написать свой «Журнал». Перечитаем описание печоринских глаз: «Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный, взгляд его непродолжительный, но пронизательный и тяжёлый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен».

В произведениях Лермонтова сталь ассоциируется с силой воли и разящим поэтическим словом: лирический герой уподобляется булатному, железному кинжалу (стихотворение «Кинжал»), ему «хочется бросить» в глаза «толпе людской» «железный стих» (стихотворение «Как часто, пёстрою толпою окружён...»), слово поэта ныне — это «клинок, покрытый ржавчиной презренья» (стихотворение «Поэт»). Соответственно, стальной блеск глаз Печорина не только свидетельствует о силе воли и об ожесточении, и об «охлаждении» души Печорина, но и сближает его с лирическим героем лермонтовской поэзии.

Внешность Печорина свидетельствует о незаурядности его натуры. Но в то же время портрет Печорина, принадлежащий повествователю — издателю «Журнала», обнаруживает некоторое сходство с описанием внешности Грушницкого, составленным самим Печориным. Вот печоринский портрет: «С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему

более двадцати трёх лет, хотя после я готов был дать ему тридцать». А вот печоринское впечатление от внешности Грушницкого: «...ему на вид можно дать двадцать пять, хотя ему едва ли двадцать один год». Внешность обоих персонажей обманчива; скрывая их возраст, она этим напоминает маску. Конечно, это чисто поверхностное сходство, и оно ещё ничего не говорит о подлинной похожести двух персонажей, но дополнительно соотносит их.

Портрет Грушницкого напоминает не только о Грушницком, но и, самом Лермонтове. И повествователь, и затем княжна Мери говорят о тяжёлом взгляде героя. Вот что пишут об этой детали В.А. Мануйлов и О.В. Миллер: «Автор придал своему герою свою собственную черту. До нас дошло много воспоминаний о Лермонтове, в которых единогласно отмечается, что взгляд Лермонтова был весьма пронзителен и тяжёл и привыкнуть к нему было нелегко»<sup>1</sup>. Итак, Лермонтов настойчиво указывает, что образ Печорина — не портрет автора, а при этом наделяет героя особенностью своей собственной внешности. Этот случай свидетельствует, что в романе соседствуют взаимоисключающие, противоречащие друг другу характеристики и что Лермонтов сознательно создавал такие противоречия.

Что касается загадочной «истории», за которую Печорин был переведён на Кавказ, то Лермонтов, по-видимому, намеренно допускает возможность двоякого толкования: может быть, это политическая «исто-

рия», но столь же возможно, что это какой-то аморальный поступок. Конечно, Печорин — не Михаил Юрьевич Лермонтов, и писатель в предисловии к роману подчёркивал неправомочность отождествления героя и автора. Но всё же... Оба они офицеры, не по своей воле служащие на Кавказе, один — профессиональный литератор, другой, как сообщает повествователь и издатель, кажется, готовил свой «Журнал» для печати. В свете таких совпадений история Печорина приобретает политический смысл. Княгиня Лиговская убеждена, что обстоятельства для Печорина скоро переменятся к лучшему, и он, действительно, довольно быстро покидает Кавказскую армию.

А.М. Марченко права: «неблагонадёжный» человек едва ли мог рассчитывать на такую перемену участи. Но и уверенность Лиговской, и краткий срок печоринской кавказской службы имеют, по-видимому, другое значение в лермонтовском произведении. Прежде всего, автор подчёркивал таким образом, что княгиня не имеет оснований отвергнуть Печорина, если тот попросит у неё руки дочери. Писатель также стремился изобразить судьбу героя как непостоянную, а его жизнь как странствия скитальца: Печорин недолго прослужил на Кавказе, затем уехал в центральную Россию, потом, лет пять спустя, отправился в Персию, на обратном пути откуда умер.

Но всё-таки и подозрения, что Печорин переведён на Кавказ за «историю» аморальную, а не политическую, отвергнуть невозможно. А вот с

<sup>1</sup> Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. Предисловие В.А. Мануйлова. Комментарии В.А. Мануйлова и О.В. Миллер. СПб., 1996. С. 308.

утверждением А.М. Марченко, что Печорин безнравствен, что он «хуже» Максима Максимыча и повествователя («странствующего офицера»), а потому и зауряден, и неоригинален, согласиться невозможно. Да, Григорий Александрович Печорин эгоист «до мозга костей, да, он может быть и циничным, и жестоким. Но ведь Лермонтов и не утверждает, что его герой — образец добродетели. Сказано же в предисловии к роману: «Герой Нашего Времени — это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии». Впрочем, видеть в этих словах некое осуждение героя автором было бы опрометчиво. Это заявление не лишено мистифицирующего смысла: Байрон в предисловии к поэме «Паломничество Чайльд-Гарольда» тоже писал о том, что его герой безнравствен и порочен, а на самом деле Чайльд-Гарольд — поэтический двойник самого автора. Отношения автора и персонажа в «Герое нашего времени» далеко не столь просты, но и Лермонтов, и его читатели, воспитанные на произведениях английского поэта, не могли не сопоставлять эти два предисловия.

Романтизм опоэтизировал и отчасти оправдал порок. Для Печорина — литературного наследника романтических персонажей — опасна не порочность как таковая, а «мелочность» в пороках. Но герой, заявляющий о своём демонизме, о «вампирическом» наслаждении, испытываемом при мысли о страданиях княжны Мери, — этот герой может заставить содрогнуться, но едва ли будет укорен в заурядности, в пошлости натуры. «Я, как матрос, рождённый и выросший на палубе разбойничьего

брига; его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится» — в этих строках, завершающих повесть «Княжна Мери», трудно усмотреть свидетельство ограниченности, неглубины Печорина. Доказать же, что эти и подобные слова лермонтовского персонажа — игра, рисовка, практически невозможно. Впрочем, и полностью опровергнуть такие подозрения тоже не удастся...

Конечно, Печорин лишён простоты и душевной незамутнённости Максима Максимыча. Но он не «хуже» этого персонажа, «естественного человека», просто он другой. Что же касается повествователя, то его преимущества перед Печориным вовсе не очевидны. Да, он любопытствующий путешественник, интересующийся историей Кавказского края; да, он литератор; да, ему симпатичен простодушный Максим Максимыч. Но и Печорин, быть может, не совсем безразличен к достопримечательностям Кавказа; и он ведёт свой «Журнал» и думает о публикации некоторых фрагментов; он холоден при встрече с Максимом Максимычем — но что поделывать, он не ощущает в бедном штабс-капитане своего друга. Но «Печорин и повествователь» — это отдельная тема, и подробнее о ней будет сказано чуть позже.

Выбор Печориным для службы правого фланга, где воевали «золотая молодёжь» и искатели приключений и наград, конечно, знаменателен. Но одна эта деталь не в состоянии перевесить всех аргументов «за» Печорина. Кроме того, Лермонтов не говорит прямо, что Печорин до отпуска в Пятигорске был в деле именно на Правом фланге: это лишь предположе-

ние, хотя и вероятное. Пример же с романом «Прodelки на Кавказе» ничего не решает. Он говорит лишь о восприятии Печорина автором этого романа, максимум о том, что лермонтовское сочинение и образ Печорина допускают такую трактовку.

Существеннее, по-моему, другая мысль А.М. Марченко: «О Грушницком мы знаем только то, что пишет Печорин. Иными словами, мы знакомимся не с Грушницким, но с его образом, созданным свидетелем пристрастным и недоброжелательным. При этом Грушницкого в том виде, как он представлен в печоринском дневнике, отличает явно, почти до шаржированности театрализованное поведение в духе ультраромантических героев Марлинского; Печорин же, напротив, не раз «нарушает» эти романтические стереотипы» (см. об этом подробнее в статье В.Э. Вацура «Лермонтов и Марлинский»)².

Печорин язвительно говорит о Грушницком: «Его цель — сделаться героем романа». Но ведь и Печорин оказывается «героем романа»: во-первых, попадая в ситуации, напоминающие трафаретные эпизоды многочисленных романов и повестей (не только в «Княжне Мери», но и в «Бэле», и в «Тамани»); во-вторых, становясь центральным персонажем лермонтовского произведения. Так, Лермонтов отмечает некоторое формальное сходство Печорина и Грушницкого.

Я не рискнул бы утверждать, что вся история, рассказанная в «Княжне Мери», выдумана автором «Журнала». По обилию трафаретных литературных мотивов «Бэла», например, не

уступает «Княжне Мери»: здесь и любовь русского к черкешенке, и похищение женщины, и месть горца. Однако историю Бэлы рассказывает не Печорин, которого А.М. Марченко подозревает в «сочинительстве», а простодушный и совсем не склонный к фантазированию Максим Максимыч.

Невозможно отрицать способность Грушницкого не только к злу (здесь он уступает главному герою), но и к совершению подлого поступка. Таких поступков, как согласие на участие в дуэли, когда противнику подаётся незаряженный пистолет, за Печориным не числится. Так что хотя бы в этом одном он отличается от Грушницкого в лучшую сторону.

«Княжна Мери», действительно, напоминает светскую повесть, но сходство это исключительно внешнее, призванное привлечь внимание на разительные несоответствия. Название перекликается с заглавиями светских повестей Владимира Одоевского «Княжна Мими» (1834) и «Княжна Зизи» (1837). В «Княжне Мими» есть и интриги, и роковая дуэль. Но в повести Владимира Одоевского главные герои оказываются жертвами светской сплетни, которая разрушает счастье влюблённых и губит на поединке невинного. Печорин же, хоть и говорит о своём презрении к пятигорскому свету (к «водяному обществу»), принят и вращается в этом обществе. Княгиня Лиговская готова дать согласие на брак дочери с Печориным, Мери его по-настоящему любит. Против героя затевают «заговор» Грушницкий и драгунский капитан, но он легко побеждает их козни. В итоге любовному и семейному счастью Пе-

² В кн. Творчество М.Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения. 1814–1964. М., 1964. С. 356–357.

чорина ничто не препятствует; но такое счастье ему не нужно. В конечном счёте, не Печорину наносит зло свет, а он несёт страдания и даже смерть окружающим — терзая княжну Мери (да и Веру), убивая Грушницкого...

Такое несовпадение сюжета «Княжны Мери» и светских повестей может иметь двойкий смысл. Во-первых, на фоне светских повестей ярче, резче видны теневые, тёмные стороны характера героя и его непохожесть на персонажей, страдающих по воле жестокого и завистливого общества. Во-вторых, Лермонтов, вероятно, стремился показать одиночество и трагедию разочарования Печорина как внутреннее состояние персонажа, а отнюдь не как следствие чьих-то злых интриг. Светская повесть часто остросюжетна. «Княжна Мери», невзирая на все сюжетные перипетии, — нет. Читатель из предисловия к «Журналу Печорина» знает, что лермонтовскому герою суждено прозаически-заурядно умереть на обратном пути из Персии, и потому ему более интересны психологические подробности, чем судьба Печорина: ведь на дуэли с Грушницким он не погибнет.

Вполне возможно, что «Фаталист» был написан независимо от замысла «Героя нашего времени» и первоначально не входил в состав романа. Но ведь не случайно же Лермонтов включил эту повесть в его текст. Печорин «Княжны Мери» и Печорин «Фаталиста», на мой взгляд, различаются не столь сильно, как представляется А.М. Марченко. Да, в «Княжне Мери» он празднично проводит время, влюбляя в себя молоденькую девушку и убивая на дуэли бывшего приятеля, а в «Фаталисте» задаёт себе вопрос о существовании судьбы и рискует соб-

ственной жизнью в надежде найти на этот вопрос ответ. Но в «Княжне Мери» в ночь накануне смертельно опасной дуэли он размышляет о другом, не менее серьёзном философском вопросе — о смысле собственного существования.

Итак, приведённые А.М. Марченко соображения не доказывают заурядности Печорина, его сходства с Грушницким, но, действительно, порождают некоторые сомнения в справедливости традиционного мнения о главном герое лермонтовского романа. При внимательном чтении в произведении обнаруживаются ещё некоторые свидетельства намеренной неоднозначности в авторской характеристике Печорина.

### **Никем не понятый Печорин, или «Уж не пародия ли он?»**

Начнём с фамилии героя. Ещё Белинский обратил внимание на похожесть фамилий Печорина и Онегина. Обыкновенно выбор фамилии Печорина Лермонтовым истолковывался так: «Печорин задуман как прямое возражение против Онегина — как своего рода апология или реабилитация «современного человека», страдающего не от душевной пустоты, не от своего «характера», а от невозможности найти действительно применение своим могучим силам, своим бурным страстям». Исследователь развивает мысль Д.Д. Благого из статьи «Лермонтов и Пушкин», опубликованной в сборнике «Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова» (сб. 1, М., 1941). Но возможно и иное толкование: Лермонтову важно указать на намеренную противоречивость образа Онегина, унаследованную Печориным как

литературным потомком пушкинского героя. Ю.Н. Тынянов и Ю.М. Лотман в работах о «Евгении Онегине» показали эту противоречивость Онегина, наделённого Пушкиным взаимоисключающими признаками. Так, в начале первой главы Онегин — обычный молодой дворянин, принадлежащий к столичному свету; ближе к концу главы — это «озлобленный ум», с которым солидарен автор; в седьмой главе Татьяна задаёт оставленный без ответа вопрос: «Уж не пародия ли он?». Примеры можно продолжить. Итак, не указывает ли Лермонтов, называя своего героя Печориным, на возможность различных, даже взаимоисключающих толкований его образа?

Некоторые противоречия очень заметны. Фразеология самого Печорина рисует его романтическим героем. Примеры — то же сравнение себя с Вампиром — персонажем ультраромантического произведения Полидори, в основе которого лежит устный рассказ Байрона; подчёркивание собственного демонизма, уподобление Печориным себя пирату, ждущему на пустынном острове желанного корабля; саркастическое отношение к обществу и сильное чувство превосходства над ним. И многое, многое другое. А рядом... Вот Печорин в повести «Тамань». Его не только отвергла, но и едва не утопила (сильного, крепкого мужчину!) девушка. Он не умеет плавать! А ведь благодаря Байрону, переплывавшему Геллеспонт, умение плавать сделалось почти что правилом хорошего тона. Пушкинский Онегин, подражая английскому поэту, переплывал деревянную речку; создатель романа в стихах приписал Евгению собственные

поступки: Пушкин переплывал речку, будучи в Михайловской ссылке. Конечно, небольшая река — это не пролив между Европой и Азией. Но всё-таки ни Онегин, ни автор «свободного романа» не боялись бы утонуть в море невдалеке от берега. Сколь сильно проигрывает Григорий Александрович в сравнении с возлюбленным «ундины» Янко, приплывающим к ней по беспокойному морю! В «Тамани» подлинным романтическим героем представлен скорее именно этот «честный контрабандист», а не скучающий офицер, путешествующий «по казенной надобности».

Печорин много говорит о своей независимости. И вот — его принимают за шпиона! Есть ли большее унижение для романтического персонажа?!

Приглядимся к тем мыслям, которые вызывают Печорин и обстоятельства его жизни у повествователя — «странствующего офицера». Прослушав рассказ Максима Максимыча о Печорине и Бэле и изложенный штабс-капитаном монолог, в котором Печорин объясняет причины своего разочарования в жизни, повествователь реагирует так: «Я отвечал, что много есть людей, говорящих то же самое; что есть, вероятно, и такие, которые говорят правду; что, впрочем, разочарование, как все моды, начав с высших слоёв общества, спустились к низшим, которые его донашивают, и что нынче те, которые больше всех в самом деле скучают, стараются скрыть это несчастье, как порок».

Итак, повествователь откровенно сомневается в глубине и в серьёзности печоринской скуки. Иными словами, он подозревает Печорина в «иг-

ре в разочарование» — в том, что сам «герой нашего времени» безапелляционно приписывает Грушницкому. Правда, далее, увидев Печорина и познакомившись с его «Журналом», повествователь уже больше так не отзывается о нём. Однако же, он нигде и не опровергает эти подозрения. Но не исключено, что «странствующий офицер» не очень доброжелательно настроен по отношению к Печорину, поскольку ощущает в нём в чём-то сходную натуру, так же, как и сам Печорин не может любить Грушницкого, видя в нём «пародию», «карикатуру» на себя. В таком случае соблазнитель Бэлы может ему казаться именно такой «пародией». Это лишь одна из возможных интерпретаций отношения повествователя к главному герою — не бесспорная, но вполне возможная.

Вообще, «странствующий офицер» напоминает Печорина не только настроенным отношением к романтическому позерству. И не только тем, что оказывается на Кавказе не по своей воле (о чём говорит мысленное обращение к метели: «изгнанница»). Дважды он высказывает циническое отношение к окружающим, вполне в духе Печорина. В первый раз — по поводу истории Печорина и Бэлы. В ответ на слова Максима Максимыча: «Да, они были счастливы!» повествователь замечает: «Как это скучно! — воскликнул я невольно. В самом деле, я ожидал трагической развязки, и вдруг так неожиданно обмануть мои надежды!..» Оживляется он, только когда слышит об убийстве отца Бэлы. История чужих горестей и смертей для него не более чем предмет эстетического интереса и любопытства, причём радуют его именно несчастья

ближних. Такое отношение «странствующего офицера» к бедствиям ближних не столь уж далеко отстоит от печоринского «вампиризма».

По поводу смерти главного героя повествователь с завидной откровенностью заявляет: «Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня очень обрадовало: оно давало мне право печатать эти записки».

Не случайна и ещё одна черта, сближающая «странствующего офицера» с автором «Журнала». Грушницкий замечает о характеристике, которую даёт Печорин внешности княжны Мери: «Ты говоришь об хорошенькой женщине, как об английской лошади». Повествователь в свой черёд, говоря о светлых волосах и чёрных усах и бровях Печорина, добавляет: «признак породы в человеке, так, как чёрная грива и чёрный хвост в белой лошади».

Все эти сходные черты соотносят Печорина и повествователя, но смысл этой соотнесённости остаётся неясным: двойники, духовные близнецы, оригинал и бледная копия? И кто именно «оригинал», и кто «копия»? Или холодный эгоист (Печорин) и благожелательный и тонко чувствующий человек (повествователь) — вспомним, как тепло отзывается «странствующий офицер» о Максиме Максимыче, который Печорину, кажется, глубоко безразличен.

Печорин соотнесён не только с Грушницким, со «странствующим офицером», но и с доктором Вернером, который в полной мере может быть назван двойником главного героя. Как «человек цивилизации», европеец и русский офицер, он противопоставлен горцам Казбичу и Азама-

ту. Но в какой-то момент и ему придаются черты поведения чеченцев: преследуя Казбича, «взвизгнул не хуже любого чеченца». В сознании Азамата и Казбича лошадь и женщина как бы приравнены: Азамат похищает сестру для Печорина в обмен на Казбичева коня Карагеца, Казбич, мстя за похищение коня, убивает Бэлу. Но и в отношении Печорина к лошади и к женщине есть нечто общее (об этом ему и говорит с негодованием Грушницкий). И в судьбе Печорина лошади и женщины неразрывно связаны. Ведь это он сам заключает с Азаматом договор о похищении Бэлы в обмен на Карагеца. А преследуя уезжающую Веру, он загоняет насмерть своего коня: потеря женщины происходит вместе с потерей скакуна.

Таким образом, образ Печорина как бы собирает, стягивает в себя характеристики, признаки, присущие другим персонажам романа. Контрасты между Печориным и прочими героями постоянно и подчёркиваются, и стираются, а сам «герой нашего времени» как бы ускользает от определённых, очевидных читательских и авторских оценок. Эпизоды с участием Печорина поддаются одновременно взаимоисключающим истолкованиям. История отношений Печорина и Бэлы свидетельствует, что герой очень быстро разлюбил похищенную девушку. Но вот она была смертельно ранена, и Печорин «целовал её бледные губы», — не свидетельство ли это таящейся в глубине его души любви к Бэле? Он холодно подаёт руку Максиму Максимычу и зевает при разговоре с ним, — и мы, вслед за повествователем (в других случаях, напомним, выражающим вполне печоринское «бездушие»), го-

товы с возмущением укорять его в черствости. Но ведь с дорогим ему доктором Вернером (который духовно автору «Журнала» несравнимо ближе, чем Максим Максимыч) Печорин прощается ещё холоднее. А вот с Грушницким они обнимаются, хотя друг друга и не любят. Печорин привык скрывать свои истинные чувства, и его поведение порой разительно противоречит чувствам.

Скача за Верой, Печорин чувствует, что «при возможности потерять её навеки Вера стала для меня дороже всего на свете, дороже жизни, чести, счастья!». Что это — любовь, вспыхнувшая, осознавшая себя в предчувствии неизбежной потери единственно нужной герою женщины? И неутолимая жажда удержать эту женщину в своей власти? И что означают горькие слёзы Печорина: он плачет из-за утраты Веры или потому, что гордыне его нанесён тяжёлый удар? Его сильные страдания свидетельствуют о любви, но быстрое успокоение — нет: «Впрочем, может быть, этому причиной расстроенные нервы, ночь, проведённая без сна, две минуты против дула пистолета и пустой желудок.

Всё к лучшему! это новое страдание, говоря военным слогом, сделало во мне счастливую диверсию. Плакать здорово, и потом, вероятно, если б я не проехался верхом и не был принуждён на обратном пути пройти пятнадцать вёрст, то и эту ночь сон не сомкнул бы глаз моих».

Но столь ли быстро на самом деле пришёл в себя Печорин? Ведь эти полные иронии слова могут скрывать глубокое отчаяние.

Печорин неординарен и незауряден. Он не «второй Грушницкий».

Но поэтика его образа такова, что допускает различные и даже взаимоисключающие интерпретации и позволяет обнаруживать в нём и романтическую тайну и глубину, и иронию над романтическими штампами; позволяет даже порой усомниться в искренности, в ненаигранности его страданий. Такое «сосуществование» противоположных толкований характерно для лермонтовского творчества в целом. Обычно оно выражается в противоположном осмыслении одних и тех же антитез, контрастов. Так, для Лермонтова обычно противопоставление лирического героя — исключительной личности «толпе», свету. Но вот в стихотворении «И скучно и грустно» лирический герой говорит о «ничтожности» уже не чьих-то, а своих собственных чувств, а в «Думе» Лермонтов жестоко судит все нынешнее поколение, и себя в том числе. В «Пророке» он пишет о поэте, непонятом и гонимом толпой, а в стихотворении «Не верь себе» о поэте, выставляющем на всеобщее обозрение «гной душевных ран» и проигрывающим в сравнении с людьми «толпы», едва ли не каждый из которых испытал подлинно глубокие страдания.

Что же до Печорина, то наиболее точно о нём сказал сам «герой нашего времени»: «И, может быть, я завтра умру!.. и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле... Одни скажут: он был добрый малый, другие — мерзавец!.. И то и другое будет ложно. После этого стоит ли труда жить? а всё живёшь — из любопытства, ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!»

### Список литературы

Для подготовки данной работы были использованы материалы с сайта <http://www.portal-slovo.ru/>

## Герой нашего времени

**Лермонтов М.Ю.**

### ПЕЧОРИН — ГЕРОЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ.

ПЕЧОРИН — ГЕРОЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ. Само название романа говорит о том, что Лермонтову хотелось глубже вникнуть в общественную жизнь своего времени. 30-е годы XIX века, сменившие время декабристов, — это годы николаевской реакции. Главная проблема этого романа — судьба мыслящего, талантливого человека, который не мог найти себе применение в условиях общественного застоя. Белинский назвал его «умной ненужностью», «нравственным калекой». Основная проблема этого романа — судьба умного, мыслящего человека, который не смог найти себе применение в условиях общественного застоя. Белинский назвал его «умной ненужностью», «нравственным калекой». Лермонтов показал Печорина, через историю «души человеческой», через его судьбу. Образ Печорина «как героя своего времени» раскрывается во взаимоотношениях с другими персонажами, которые не похожи ни по характеру, ни по положению на Печорина. Особое значение имеет и смена лиц, ведущих повествование. Сначала о Печорине рассказывает Максим Максимыч, «проезжий офицер». Потом о нём говорит автор-рассказчик, а дальше Печорин раскрывается

в своих дневниках. Уже сам портрет Печорина характеризует его как незаурядную личность. Глаза у него «не смеялись, когда он смеялся». Он словно соткан из противоречий: то он смел, энергичен, настойчив, то тих и кроток, углублён в себя. Так же неровен он в отношениях с людьми, и эти отношения ещё больше подчёркивают противоречивость натуры Печорина.

Есть в Печорине качества, привлекающие людей, с которыми ему приходится общаться. Бывают ситуации, когда он даже выгодно отличается от других. Печорин, с кем бы он ни общался, производит на всех впечатление, не прилагая к тому больших усилий. Грушницкому же нужно затратить множество усилий, чтобы обратить на себя внимание. Поведение Грушницкого вызывало чувство раздражения у Печорина. Весь свой ум, энергию он употребил ради мелкого, ничтожного удовольствия: «побесить» Грушницкого. Печорин приложил все усилия, чтобы Мери полюбила его. Пустота жизни заставляет его действовать ради ощущения жизни, что и привело к дуэли с Грушницким.

Из всех героев романа Вернер ближе всех к Печорину по своему интеллектуальному уровню. Он умный, проницательный, так же, как и у Печорина, у Вернера иронический склад ума. Вернер — единственный человек, с которым Печорину легко и просто. Они понимают друг друга с полуслова, и Печорин дорожит мнением Вернера. В дуэли Печорина с Грушницким Вернер выступает в роли секунданта, но исход дуэли пугает его, и Вернер решает проститься с Печориным.

Ни глубокой любви, ни настоящей привязанности Печорин не испыты-

тывает ни к кому из женщин. С Бэлой он обращается, как с надоевшей игрушкой. Играя на предрассудках и инстинктах горцев, Печорин тратит свой ум, энергию на цель, недостойную порядочного человека. В своём отношении к княжне Мери Печорин выглядит ещё более отталкивающе. Он добивается любви молодой княжны только лишь для того, чтобы досадить Грушницкому, он даже не задумывается над тем, что обрекает Мери на страдания. Способен ли вообще Печорин любить?

Из отношения Печорина к Вере мы понимаем, что он любит её. Сильнее всего это чувство проявляется в тот момент, когда возникает опасность потерять Веру: «...Я молился, проклинал, плакал, смеялся... нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!.. Вера стала для меня дороже всего на свете...» Но такое состояние длится у Печорина недолго. Его стали одолевать вопросы, зачем это ему «гнаться за погибшим счастьем», что ему даст последняя встреча, но больше всего он боялся, что его могут увидеть рыдающим. И Печорин возвращается домой.

В отношениях с людьми Печорин проявляется более чем «пустой ненужностью». Это и о нём Лермонтов сказал в «Думе»: «И ненавидим мы, и любим мы случайно, Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви, И царствует в душе какой-то холод тайный, Когда огонь кипит в крови». Печорин сам говорит о себе: «Во мне живут два человека: один живёт в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его». Печорин — энергичный, умный человек, но он не может найти применения своему уму, своим знаниям.

Печорин — жестокий и равнодушный эгоист, потому что он причиняет несчастья всем, с кем общается, и его не волнует состояние других людей. Но Белинский говорил, что он «страдающий эгоист», потому что он обвиняет себя за свои поступки, он осознаёт свои действия, и ничего не приносит ему удовлетворения. Виною всему то общество, в котором появлялись талантливые люди, но которые не смогли проявить свои способности, обратить свою энергию на добрые и нужные дела.

Реакционная критика не смогла дать должной оценки образу Печорина. Ф. Булгарин оценил положительно

в романе всё, кроме главного героя, как бы отвергая тем самым тот беспощадный приговор условиям жизни русского общества, продуктом которого был Печорин. Характерно, что оценка Булгарина совпала с оценкой Николая I, который поначалу решил, что героем будет старый служака Максим Максимыч. Когда роман был дочитан, царь пришёл к мысли, что образ Печорина — дань западной моде. Именно так в письме к императрице оценил Николай I роман своего гениального современника, которого он ненавидел. Печорин был порождением русской действительности, не только героем, но и жертвой своего времени.